МЫ БЫЛИ

В Новосибирской области есть село Битки. Слава прогрессу, сейчас данное место на карте можно найти в один клик, (ru.wikipedia.org/wiki/Битки_(село)). Находится оно по линии север-юг, где-то посредине между Новосибирском и Барнаулом, и примерно в сорока километрах на восток от Оби. Село основано в 1696 г. Похоже, что с давних пор там все осталось практически без изменений. Типичная сибирская глухомань. Главной достопримечательностью в наши дни является лавка купчихи Смирновой, построенная в 1904 г., Рис. 1. Не вполне понятно, чем там промышлял народ. Судя по тому, что на сегодняшний день главным работодателем является «Агрофирма Битки», можно предполагать, что основным делом было «животноводство», а где оно – там и выделка шкур. В какой-то мере это предположение объясняет распространенность в тех местах родовой фамилии. На запад от Новосибирска даже есть соответствующий топоним, поселок Кожевниково. Так вот, в селе Битки в неизвестные годы укоренились Кожевниковы. Сохранилась фотография деда по отцовской линии – Степана, Рис. 2. О времени, когда она была сделана и сколько лет тогда было Степану, сведений не сохранилось. Известно лишь, что у него родились - сначала дочь Мария, а затем четыре сына - Василий, Евгений, Владимир и, самый младший, Леонид. Вероятно, в 1930-е годы вся семья перебралась в Комсомольск-на-

Рис. 1 Село Битки. Лавка купчихи Смирновой, 1904 г.

Рис. 2 Степан Кожевников

Рис. 3 К-на-Амуре 1949 г. 22 года.

Рис. 4 Братья Кожевниковы. Слева направо – Василий, Леонид, Владимир, Евгений. Хабаровск. Октябрь 1965 года»

Рис. 5 Отец с братом Евгением. 60-летие Василия, Калининград. Рыбалка в заливе, суббота, 8.07.84

Амуре. Именно этот город упоминается на фото отца, сделанном в 1949 г., Рис.3. Надо заметить, что он очень любил фотографироваться и аккуратно подписывал фотографии. В далекие уже годы мне это казалось чем-то ненужным и отдающим каким-то тщеславием. Однако, по прошествии лет становится понятно, что «тщеславие» здесь не при чем. Скорее им двигало какое-то врожденное беспокойства из-за зыбкости памяти и быстротечности времени, которое и подпитывало эту привычку дополнительной «материализации» прошлого. Постепенно жизнь разводила семейство в разные стороны. Старший сын Василий поступил в мореходное училище во Владивостоке. Далее, он служил в Калининграде, Москве и, дослужившись до какого-то высокого морского чина, окончательно осел в Калининграде. Евгений всю жизнь провел в Хабаровске и, как отец, был связан с железной дорогой. Чем зарабатывал на жизнь Владимир мне неизвестно. Он погиб довольно молодым, разбился на мотоцикле. Я его никогда не видел. Помню отец ездил на похороны. На Рис. 4 приведена общая фотография братьев. Иногда им удавалось собираться вместе. Видимо, специально согласовывали отпуска. Насколько я понимаю, помимо семейного объединения, общим делом было «сафари», т.е. охота и рыбалка. Из разговоров помню, что Евгений, как железнодорожник, играл важную роль в организации транспортных мероприятий на дальнем востоке. Не менее одного раза три оставшихся брата собирались у Василия, в Калининграде, Рис. 5. В 70-е годы, в разное время Василий и Евгений дважды приезжали «в гости» к нам, на Урал, и я отлично их помню. Сестру отца, Марию, я видел один раз в жизни, в Ташкенте. Непонятно, как она очутилась в узбекской столице. В 1987 г. там состоялась

большая конференция по проблеме ВТСП, и мне удалось на ней побывать. Родители поручили зайти, наверное, передать что-то кроме приветов, но все это совершенно стерлось из памяти. Помню только очень пожилую, высохшую женщину, с множественными глубокими морщинами на коричневом от южного солнца лице. На отца не похожа совсем, но вижу сейчас что-то общее с Василием и Владимиром, которые в свою очередь переняли черты от отца Степана.

Мой отец, Леонид Степанович Кожевников, родился 14 сентября 1926 г. Вообще-то, при рождении ему было дано имя Леонтий. Это видно из его диплома Т №0085 об окончании Хабаровской школы военных техников ж.д. транспорта М.П.С., где он учился с 1941 по 1946 гг. и получил квалификацию «техник по движению и грузовой работе», Рис.6. Пока он учился, началась и закончилась война. В 1944-45 гг. его, в принципе, могли призвать, но видимо уже острой потребности не было, и причастность к системе М.П.С. засчитывалась, как военная служба. Имя Леонтий также использовано в дипломе О №312311 об окончании Всесоюзного заочного института инженеров железнодорожного транспорта (1955 – 1960 гг., специальность – эксплуатация железных дорог), Рис.7. Следовательно, Леонтий стал Леонидом в зрелом возрасте более 34 лет. Как это официально закрепилось в документах мне не вполне понятно, но мать упоминала, что данное при рождении имя ему не нравилось. День его рождения и всех остальных в семье, мы не отмечали. Как-то не было такого обычая.

ДИПЛОМ
Т № 0085
Кожевников
Леонтий Степанович
Хабаровской школы военных техников
ж.д. транспорта М.П.С.
Движение и грузовая работа
техник

Рис. 6 Диплом отца об окончании техникума

ДИПЛОМ
О № 312311
Настоящий диплом выдан Кожевникову
Леонтию Степановичу
в том, что он в 1955 году
поступил в Всесоюзный заочный
институт инженеров железнодорожного транспорта
и в 1960 году окончил полный курс
названного института
по специальности „Эксплуатация
железных дорог."
Решением Государственной экзаменационной
комиссии от 23 июня 1960 г.
Кожевникову Л. С.
присвоена квалификация инженер путей сооб-
щения по эксплуатации железных дорог.
Председатель
Директор Жукова
Москва 1960 г.
Регистрационный № 2773
Уральский Электромеханический институт инженеров ж.д. транспорта
Нагрудный академический знак
выдан 2 марта 196

Рис. 7 Диплом отца об окончании института

Моя мама, Александра Николаевна Холодова, родилась 25 декабря 1923 г. Место рождения – станция Поспелиха (Алтайский край). Именно станция, а не село. Это следует из надписи

Рис. 8 Похвальная грамота ученицы 6 класса Холодовой Александры, 1937 г.

на похвальной грамоте, выданной «ученице 6 класса», Рис.8. Видимо это был какой-то большой станционный поселок потому, что вслед за ним назывался весь район. Как ни удивительно, ст. Поспелиха расположена совсем недалеко (по сибирским масштабам), километров 500 на юг, от села Битки, где родился отец. При этом считалось, что Поспелиха – это Алтай, а Битки – Сибирь. Мать упоминала, что семья её деда откочевала туда из «Курской губернии» после отмены крепостного права, и, что во времена этого «права» они были крепостными в имении «князя Солнцева». Сохранилась фотография 1928 года, Рис.9. На ней я точно знаю только одного человека в центре – маминого отца, т.е. моего деда, Николая. Он всю жизнь прожил в Поспелихе. Приезжал в Свердловск дважды. Первый раз примерно в 1959 г. Мы тогда жили… нет, «жили» - неправильное слово, занимали вчетвером комнату 12 кв.м. в трехкомнатной квартире в доме по адресу ул. Жданова 9 (ныне ул. Мельковская). Помню высокого, сутулого, сухопарого старика, усы, коротко стриженые волосы, еще довольно густые и не полностью побелевшие. Второй раз – это около 1964 г.

Рис. 9 Надпись на обороте «Семьи Холодовых и Плешковых, 1928 г.»

Мы тогда уже переехали в «самстроевскую» двухкомнатную квартиру, недалеко от прежнего жилья, по адресу ул. Быковых 19. Непонятно, как он самостоятельно добрался, а затем уехал… уже в совсем плохой форме был… нетвердый шаг, тремор, совсем согнутый… На фото Рис. 9, за ним стоит девочка. Скорее всего, это старшая сестра мамы, Анна. Я предполагаю, что в первой половине 30х она каким-то образом перебралась в Новосибирск. Мать несколько раз упоминала, что после того, как ей стукнуло 14 лет, отец ей просто сказал, «Вот дверь, вот порог… иди» … был октябрь 38 года… и она босиком,

Рис. 10 Сестры Анна и Александра. На обороте «Анюша и Александра» 1938 г.

по осенней грязи направилась в Новосибирск, к старшей сестре. Могу предполагать, что событие это было связано с полнейшей нищетой, в которой очутилась семья Холодовых. Как рассказывала мама, в начале 30х ее отец работал сторожем на автобазе. Он был «раскулаченный» … видно жил слишком богато, у него была корова и лошадь, семью же как-то надо было кормить. Однако власть посчитала это излишком и скотину реквизировала. Кормильцев забрали, жить не на что, надо идти куда в наем. С клеймом «раскулаченного» ему видно нигде никакой работы найти было невозможно, кроме, как сторожем на местной МТС. Но снова судьба с ним сурово обошлась. Какой-то пьяный шофер, после заправки свой техники, плохо закрыл кран, и за ночь утекла пара ведер бензина. Ясен день, во «вредительстве» обвинили сторожа… он же за конфискованную корову мстит. Дали ему два года. Где он их отбыл непонятно…куда ж из Сибири еще сослать-то можно? .... но когда вернулся, то, видимо, уже и сторожем не брали. Несомненно, сестра Анна в Новосибирске как-то помогла ей «зацепиться» за жизнь, Рис.10. Через какое-то время, она устроилась на авиационный завод, который перевезли из европейской части. Кажется, это была не самая низовая работа потому, что она вспоминала таких же подростков, как и она, работавших на сборке самолетов. Самолеты были из фанеры и холста. Все элементы конструкции изобильно пропитывали смолами, клеили синтетическими клеями, красили нитрокрасками… и молодняк, нанюхавшись этого и намаявшись за целый день, падал около «изделий» чуть ли не замертво… бледные, позеленевшие… неудержимая рвота, обмороки…Где-то в 43 г. она поступила на учебу в Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта, который был эвакуирован в Новосибирск. Время поступления следует из справки, выданной в 1948 г. в качестве подтверждения «отпуска» студентке 5 курса А.Н. Холодовой «для проезда к родным», Рис. 11. В стране, где «так вольно дышит человек» одного паспорта было недостаточно для свободы передвижения. Требовалось дополнительное разрешение. Причина того, что мать связала жизнь с

СССР
Министерство Путей Сообщения
Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта имени Л. М. Кагановича
Днепропетровск.
10/5 дня 1948
№ 5ш/10.

Справка

Дана студентке 5 курса тов. Холодовой А.Н.
в том, что ей предоставлен отпуск
с 01/5 1948 г. по 14/6 1948 г.
для поездки к родным
Основание: приказ № 5ш/154
Начальник канцелярии

Рис. 11 Отпускная справка студентки А.Н. Холодовой, 1948 г.

железной дорогой, конечно, проста. Система железнодорожного транспорта являлась военизированной организацией и, соответственно, там были увеличенные продовольственные пайки. Это облегчало выживание по сравнению с «простыми работягами» на заводе, хоть и авиационном. Когда война закончилась, институт перебазировался обратно, в Днепропетровск. Сохранилось несколько фотографий того времени, Рис.12.

Рис. 12 Днепропетровск. Примерно 1947 г.

После окончания института ее направили на Дальний восток. В 1950 г. там была организована еще одна зона ГУЛАГа (Татлаг), и начато строительство тоннеля под Татарским проливом (в самом узком месте шириной около 8 км он называется «пролив Невельского») от мыса Лазарева на материке к мысу Погиби на Сахалине. К началу 1953 г. общая численность строителей железной дороги по обоим берегам пролива составляла более 27 000 человек. Строительство, особенно на Сахалине, велось в условиях фактически полного отсутствия инфраструктуры и недостатка техники. Бытовые условия в лагерях для заключённых были неудовлетворительными даже по нормам ГУЛАГа. Небольшую публикацию по истории стройки можно найти в сети (https://russos.livejournal. com/923520.html). В этой же статье есть ссылка с более подробным описанием и подборкой документов. Инженерное сопровождение работ велось «вольнонаемными». Не думаю, что ее спрашивали о чем-то после выпуска… послали, надели погоны и…вперед…

Рис.13 Татлаг, примерно 1951 г.

Рис.14 Татлаг. На обороте « М – Лазарева 1952»

вкалывай в этих гиблых местах, Рис. 13. Название мыса Погиби, откуда шла стройка, как-то зловеще созвучно слову «погибель». Там же очутился и молодой выпускник Хабаровской школы военных техников, тоже «опогоненный», Рис. 14. Название «Татлаг» в сети не присутствует. Однако, родители в разговорах между собой его использовали неоднократно. Таким образом, получается, что они встретились на этой гибридной, гражданско-концлагерной стройке №506, поженились, и одним из результатов этого события стало мое появление в 1952 г. Жизнь на краю света, видимо, была совсем тяжелая. Помню, как мать говорила, что дважды в неделю ходила пешком в соседнюю деревню, «всего» 1.5 км от зоны, за парой яиц для моей подкормки. Отец скупо упоминал об уголовщине и бандитизме «контингента» и «условно освобождённых».

Рис.15 На обороте «На память сестре. Анна 12/XI – 41»

Весной 1953 года умер Сталин. А спустя некоторое время стройку закрыли. Не свернули, не законсервировали, а именно закрыли. Вчера еще работали, а сегодня сказали: "Все, больше не надо". И снова помогла старшая сестра, «тетя Аня». Она родилась 25.12.1918, и в начале войны была призвана в армию, в качестве рядового, Рис. 15. Прошла всю войну, и закончила ее в Германии в 1945 г. с офицерским званием, Рис. 16. Живой и без единой царапины она осталась лишь потому, что была хорошей машинисткой, и ее определили в штаб армии. Вероятно, вскоре после завершения WW2, часть, в которой она служила, была переведена в Австрию. Могу предполагать, что где-то там она встретила Николая Григорьевича Шубина (27.10.1917). В конце войны он был в звании майора, служил в отделе СМЕРШа. Тоже прошел войну целехонький. Через какое-то время они поженились. Сохранилось ее фото того времени, Рис.17. Наверное оно было сделано именно в Австрии, сразу после демобилизации. Вряд ли такая шляпа, перчатки и прочие аксессуары были возможны в послевоенном Свердловске. Где-то в период 50-51 гг. они прибыли в Свердловск.

Рис. 16 Германия апрель 1945

Рис. 17 После войны

У «дяди Коли» здесь было «родовое гнездо». Это был старый, не менее 100 лет, бревенчатый дом на фундаменте из гранитного плитняка. На территории Шарташского лесопарка сохранилось множество заброшенных карьеров, с точно таким же гранитом, который по естественным причинам изобилует горизонтальными трещинами. По этим трещинам массив легко раскалывается на плиты. Старожилы ВИЗа и других окраин наверняка помнят каменные, убогие, неровные тротуары из больших разноразмерных гранитных плит и многочисленный «частный сектор» на фундаментах, сложенных из таких же плит, но меньшего размера. Помимо дома там был большой, такой же длинный, как дом, бревенчатый сарай. Судя по обустройству, когда-то это была конюшня. Дом и сарай разделял довольно широкий двор, представлявший собой просто участок утоптанной земли. В сарае хранили дрова, а на дворе их пилили и кололи. Одной стороной дом выходил на улицу Халтурина, и из окон был виден центральный вход «птичьего рынка», который существует и поныне (ул. Халтурина 37). Другая сторона выходила на улицу «Финских коммунаров». Крошечный кусочек этой улицы, примыкающий к площадке с расположенным на ней «Бургер Кинг»'ом сохранился до сих пор, Рис. 18. На этой стороне находился выезд из двора, ограниченный углами дома и сарая. На выезде стояли большие двухстворчатые ворота, а сбоку, как положено, была дверь для прохода людей. Все было старое, покосившееся, из почерневшей растрескавшейся древесины. К противоположной от ворот стороне, к дому и сараю примыкал довольно значительный участок земли. Непосредственно около дома был «сад». Там росла сирень, акация, встречались случайные, заброшенные кусты малины и смородины. К сараю примыкал «огород», где сажали картошку, морковь, свеклу и помидоры. В дальнем углу огорода были расположены «удобства» и выгребная яма, имевшие классические, т.е. вполне устрашающие, органолептические характеристики. Хоть и любитель приключений с детства, я на ту землю не ходил. Тем более, что

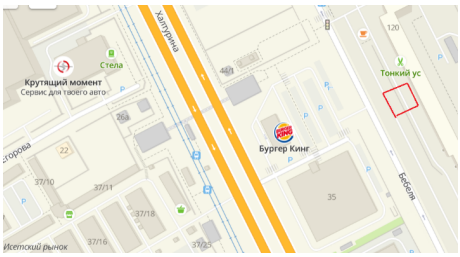

Рис. 18 Красный квадрат показывает приблизительное местонахождение «дома на ВИЗе». На юг от «Бургер Кинг»'а расположен маленький проулок (ул. Финских коммунаров).

она примыкала к «баракам», жалким шлакозасыпным, дощатым строениям. Жители там постоянно громко ругались, беспробудно пьянствовали, мужчины и женщины вели себя буйно, чтобы не сказать дрались, и, в общем, я боялся даже приближаться туда. Зато в саду было неплохо, в него, кроме меня никто не забирался. Он казался большим и дремучим. Отец научил меня вырезать прямые ветки из сирени, и делать лук и стрелы. Наверное, это было мое первое рукоделие. В качестве наконечников я использовал старые, ржавые гвозди; выпрямлял их молотком на камне и приматывал к стреле веревкой. Я, конечно, облазил все уголки «домовладения». Сарай в старые годы, как я уже говорил, скорее всего был, конюшней. На чердаке я нашел старый, почти превратившийся в труху конский хомут, несколько подков и кованых гвоздей. В одном из деревянных, ветхих сундуков, в холщовых свертках было несколько орденов Красноq Звезды, россыпь медалей. Не понимая, что это, я этот «клад» немножко раздербанил и принес показать родителям. Оказалось, что это военные награды дяди и тети. Непонятно, куда все это делось потом.

Рис. 19 Свердловск, 1954.

Так вот, этот частное строение (house) стало для нас местом проживания (home). Как я понимаю, после скоропостижного закрытия стройки №506 иссякли средства к существованию, и родители в поисках угла для проживания и работы переехали к родственникам в Свердловск. Переезд произошел не позже конца весны – начала осени 1954 г. На Рис.19 видно, что мама и я одеты не вполне по-летнему. Значит – это поздняя весна или ранняя осень 1954 г. Примерно тогда же было сделано единственное сохранившееся с того времени фото «дяди Коли», Рис. 20, человека, в доме которого мы нашли приют. Конечно, начала проживания там я не помню. Первые отчетливые воспоминания начинаются лишь с 1956 г., когда родился Игорь. Так, в память врезался октябрь 1957 г. когда запустили «Спутник». Поздно вечером, все вышли во двор, и, задрав головы в небо, смотрели на двигающуюся в темноте «звезду». Было холодно, и я, засунув руки в карманы зеленого плюшевого пальто, тоже смотрел. От октябрьской погоды земляной двор

Рис.20 Николай Григорьевич Шубин, «дядя Коля», 1954.

раскис, под ногами была грязь. У меня были детские ботинки, со шнурками. Ноги залипали в грязи по щиколотку, и в ботинки сочилась холодная вода.

В памяти всплывают многие моменты того времени, но они именно, что обычные бытовые мелочи, имеющие не более, чем личное значение. Об одном событии все же хочется рассказать… мучительно вспоминается всю жизнь. В доме жили две или три кошки, реально полезные в тех условиях животинки, удерживающие оборону дома от полчищ крыс, обитавших в сарае. Одна из них, по имени Васса, что-то утащила. Её поймали и в наказание затеяли топить. Дядя Коля соорудил петлю из тонкой железной проволоки и пристроил Вассу в нее. На другой конец примотал здоровенный, неправильной кубической формы гранитный булыжник от мостовой, его использовали как гнет при засолке капусты, и все это вместе с несчастной Вассой сбросил в заполненную дождевой водой бочку, которая стояла под стоком с крыши сарая. За казнью наблюдали тетя Аня, папа, мама и я. Никто ничего не говорил, все молча смотрели. Бочка большая была, больше метра высотой, заполненная водой до края. Однако, каким-то невероятным усилием, Васса, облепленная мокрой шерстью, тощая, вскарабкалась из-под воды по стенке до самого верха, выпрыгнула из бочки и, хотя проволока туго впилась в ее тонкую шею, мгновенно умчалась в щель между сараем и забором, волоча огромный камень за собой. Там, где-то она, наверное, и умерла, потому, что ее больше не видели.

Возвращаясь обратно к дому, хочу заметить, что не только во времена Булгакова, но и намного позже решение квартирного вопроса в «стране победившего социализма» было предметом изнурительного напряжения и поиска. Соответственно, жилые помещения в доме (три небольшие комнаты, примыкающие к «кухне» с русской печкой) были заняты, и нас поселили в цокольном этаже. По сути, это был подвал, в который вниз со двора вели четыре ступеньки из того самого плитнякового гранита. Там был настелен деревянный пол. Однако стены, т.е. внутренние, не очень ровные стороны гранитного фундамента, не были оштукатурены. Я отчетливо помню белесые потеки на них от просочившейся воды, и туфли пешеходов в маленьком, грязном окне наверху, около потолка.

Свердловск, уже в то время, был большим транспортным узлом и, поскольку родители были железнодорожники, то с поиском работы, проблем не было. Уже в августе 1954 г. отец трудится на ст. Свердловск – пассажирский, Рис. 21. На фото, у него за спиной можно заметить паровоз около водоналивной башни. У башни очень характерный, деревянный, третий этаж. Кажется, ее до сих пор не снесли. Еще несколько лет назад, проезжая по ул. Стрелочников, я ее видел. Позже отец перешел в управление Свердловской железной дороги. Это организация по сей день занимает монументальное, чем-то напоминающее Рейхстаг, здание на ул. Челюскинцев. Там он трудился по линии гражданской обороны (II отдел). Мама, скорее всего, нашла работу по части организации движения. Могу это предполагать потому, что темой ее диплома был «Проект сортировочной станции», Рис.22.

Рис. 21 Август 1954 г ст. Свердловск пас.

Рис. 22 Примерно 1948 г. Работа над дипломным проектом.

Через некоторое время подвального проживания, где-то в 58 году, мы перебрались «наверх», в одну из трех «комнат», примыкавших к кухне. Скорее всего, умер кто-то из родственников там проживавших. Вот жилплощадь и освободилась…. прямоугольная комната, примерно 2.5 м на 4.5 м. Слева от входной двери, в торце комнаты, было окно с видом на ворота птичьего рынка. Другое окно напротив двери выходило в сад. Комната была холодная, к ней печка не примыкала. Поэтому, мы с Игорем часто грелись на кухне. Один момент запомнился не только мне, но и ему, хотя вряд ли ему было намного больше двух лет. Он сидел около печки, на маленькой, детской табуретке и, неудачно покачнувшись, упал ладошками вперед, прямо на раскаленную до темно-малинового цвета чугунную дверку печи. Конечно, быстро руки отдернул, но этого мига хватило… Я был рядом, но не помню плакал ли он, а взбухшие, налитые лимфой пузыри на ладошках врезались в память. Там мы жили примерно до осени 1959 г., когда родителям «дали» комнату в трехкомнатной квартире, на первом этаже, в доме на ул. Жданова 9…. примерно 4 м на 5 м… для «улучшения жилищных условий». Сначала там на коммунальной кухне была печка, в которой для приготовления пищи жгли дрова. Потом ее снесли и поставили две газовые плиты. Кажется, причиной переезда было то, что визовские трущобы стали сносить под каменную застройку. Дяде Коле взамен дома, сарая и земли

выдали крошечную однокомнатную квартиру на первом этаже в панельной «хрущебе» на ул. Индустрии. Это район Уралмаша. Мы туда часто ездили… по праздникам, а после, когда в 67 году ввели пятидневную рабочую неделю, иной раз по субботам. Это было что-то вроде «посиделок». Взрослые, помимо обеда, пили водку, о чем-то говорили… мне никогда не было интересно про что ... Дядя Коля и тетя Аня много курили… папиросы «Беломорканал» или дешевые сигареты без фильтра «Прима». Мне было скучно и, наверное, Игорю тоже. Запах дешевого табака и замятых окурков смешивался с запахами водки, кошки, невкусной и нездоровой пищи. Подвыпивши, хозяева часто ссорились. Всерьез, конечно, ничего не было. Так, переругивались. Время тянулось бесконечно. Иногда на действии появлялась Галина, дочь дяди Коли и тети Ани, т.е. моя двоюродная сестра, внешне удивительно похожая на свою мать в молодости. В то время я как-то не осознавал, что это «сестра». Она был значительно старше меня и Игоря, и, кроме как поздороваться, мы ничего в плане общения не делали. После окончания сельскохозяйственного института она работала зоотехником в совхозе «Кленовской», примерно 130 км от Свердловска на запад. Доросла до парторга. В советское время парторг в большом совхозе считался большим начальником. Один раз к ней даже семейный заезд был, кажется летом 1963 г. Приятным воспоминанием осталось лишь катание на «взрослом» велосипеде ее мужа, а романтика, вроде поспать на печи, или на сеновале, или на покосе помахать косой, не по мне пришлась. На печи, оказывается, невыносимо жарко, на сеновале все время сухая трава колется, на покосе оводы и комары заедают, а коса попадается все время как-то тупая, кривая, и в землю втыкается вместо того, чтобы легко «вжикать» по траве, ровно срезая её, как это у деревенских получается. Словом, одна маята. Кроме этого единичного события, никаких других контактов с Галиной не было. Лет десять назад она звонила пару раз, в гости приглашала. Из того, что она говорила вышло, что на пенсии она стала пылкой прихожанкой… «а батюшка то наш во какой...» и т.п. (это она про г-на Гундяева). Я по ходу сказал что-то резкое, что, конечно, неправильно, но терпежу никогда не хватало… с тех пор не звонила… не знаю, может ее уже и нет. Муж ее, Павел, умер совсем рано, где-то в 70х, спился…. наверное, от тоски жизни совхозного «механизатора». По прошествии лет, мне кажется, что помимо родственных чувств и памяти о годах визовского проживания, родители «ездили на Уралмаш» и по причине какой-то дополнительной привязанности. Ведь Анна Николаевна и Николай Григорьевич (так отец к ним обращался…. мать сестру называла по имени, Анна, а дядю Колю, тоже по имени – отчеству) дали приют после переселения с Дальнего востока. В те скудные времена, человеческая помощь иногда ценой была равна почти жизни… и еще, чтобы как-то уменьшить одиночество этих быстро постаревших, не имеющих ни для кого, никакого значения, фронтовиков. Конечно же, мама и любила свою сестру. Николая Григорьевича она скорее

уважала, но теплых чувств к нему не испытывала, и часто говорила, что, «… он споил её…». Николай Григорьевич скончался в 1980. Почти сразу после него не стало и тети Ани. Лишь недавно я узнал в разговоре с Игорем, что мама как-то упомянула, что она погибла, попав под машину, когда нетрезвая переходила дорогу.

Так вот, проживая уже на ул. Жданова, родители определили меня в 1 класс 104 школы. Эта школа и сейчас стоит у пересечения улиц Свердлова, Либкнехта и Шевченко, и ее окон можно было видеть проезжую часть. В 1963 г. Свердловск посетил Ф. Кастро. Его везли в открытой машине. Когда он проезжал мимо школы, это стало как-то всем известно. Все занятия прервались, дети из классов бросились к окнам, где-то даже стекло выдавили…смотрели. Я был в четвертом классе уже, смотрел, как и все… народ на крыши залез, на деревья. Точно помню, в открытой машине, стоя его везли, в берете, с бородой…как на картинке… Сейчас поглазеть не получилось бы. Весь вид на перекресток перекрыт зданием Газпромбанка.

Рис. 23. Студенческий билет отца.

Когда мы жили в этой комнате «на Жданова», отец заканчивал Московский заочный институт инженеров железнодорожного транспорта. Судя по студенческому билету, Рис.23, он начал учебу в год переезда в Свердловск. Интересно, что все

Рис. 24(а) На обороте «Москва. 1960 год, май. За месяц до защиты диплома. Моей дорогой семье – папа Леня. 19/VI – 1960 г.»

Рис. 24(б) На обороте «В парке МГУ. Вдалеке станция метро «Ленинские горы» (над Москвой-рекой). Май 1960 год. Фото Монина. 19/VI – 1960 г.»

записи в студбилете, кроме подписи директора, сделаны его рукой. Вероятно, в виду количества студентов, заполнение студбилетов поручили им самим. При записи возникла девиация – указан год поступления 1954 г. Одновременно, в дипломе указано, что он поступил в институт в 1955 г., Рис. 7. Помню, когда вечерами, когда я уже засыпал, он, сидя за круглым «обеденным» столом, освещенном лампой с абажуром, что-то делал, чертил, считал на логарифмической линейке. В 1960 г. он защитил диплом. Тогда это было особым мероприятием. Как я понимаю, для защиты его командировали на довольно длительный срок в Москву. К диплому инженера в то время еще сохранилось какое-то уважение. Отец всегда носил на лацкане пиджака ромбический значок выпускника института. Сохранилось несколько его фотографий того времени, Рис. 24(а,б).

Несколько позже, наверное, в 1962 г., вся наша семья перебралась в двухкомнатную «самстроевскую» квартиру на ул. Быковых. «Самстрой» – это была тогда такая попытка власти увеличить объем жилищного строительства, когда инженеры и прочие конторские после работы, заканчивавшейся в пол–пятого вечера, шли на стройку и «строили сами». Скорее всего, что-то делали в качестве подсобных и чернорабочих. Вряд ли их допускали до кладки кирпичей, устройства электропроводки и прочих работ, требовавших квалификации и практических навыков. Хоть это и была типичная «хрущоба», но теперь у родителей все же была отдельная комната. Мы с Игорем спали в проходной, общей комнате, он на раскладушке, я на диване. С 5 по 8 класс из этого «дома» я ходил в линейную школу – интернат №2. Она была близко, через дорогу, что, конечно, было удобно. Утром всегда было мучительно тяжело вставать, и можно было «тянуть до последнего». Что было не здóрово, так это интернатовские ребята. Это были дети из окрестных станционных поселков, типа Палкино, Северка и др. Они жили в интернате с понедельника по пятницу, а на выходные разъезжались по домам. Не сильно приобщенная к цивилизации, публика эта была нравов грубых, чтобы не сказать хулиганских. У нас в классе было 3 «второгодника» и 1 «третьегодник». Впрочем, и без этих почетных лет пересидки, основная масса детей была почти готовым армейским и тюремным контингентом. Натерпелся я от этих юных гангстеров и рэкетиров в свое время изрядно… заработал несколько «боевых» шрамов от драк и потасовок.

Моим соседом по парте был Миша Якушев, мы с ним тогда хорошо дружили. Отец его, Василий Степанович, работал в юридическом институте. Намного позже я узнал, что он был профессор, заведовал кафедрой, человек в своем профессиональном круге весьма уважаемый. Мама, Вероника Михайловна, была по медицинской части. Хорошие были люди, приветливые. У них было много книг. Надо заметить, что книги в то время в магазине купить было практически невозможно. Их как-то распределяли. Я все запоем подряд читал. В

основном путешествия, приключения, фантастику, как классиков жанра, так и вполне советскую макулатуру.

Рис.25 Мама с Игорем в родительский день на даче, 1959 г.

Обычно в летнее, каникулярное и отпускное, время родители пристраивали нас в различные детские «сборища», которые патронировала железная дорога. Дошкольников вывозили на «дачу» за город; для укрепления здоровья полезно, да и родители передых какой-то получали от ежедневных забот. Через определенные интервалы устраивали «родительский день», т.е. родителям можно было приехать, быть весь день со своими чадами, гулять по лесу и т.п. Это всегда было здорово, они привозили что-нибудь вкусненькое, и с ними было хорошо, Рис. 25. В школьное время – это были, так называемые «пионерские лагеря», те еще «места пребывания», ничего хорошего о них не могу вспомнить. Обычно засылали туда на одну смену, а два других летних месяца мы проводили в городе, в общем сами по себе, без особого присмотра. Так вот, когда я окончил 8 классов, мама решилась на довольно-таки героический поступок – поездку летом «на юг» с нами двумя и, как-то наши родители промеж себя согласовали, прихватила в компанию еще Мишку Якушева. Осели мы в частном доме, где-то на окраине Севастополя. С морем повезло, было тепло и не особо ветрено. Мы купались сколько хотели, ловили крабов, морских ершей. У этих ершей плавники на спине и боках заканчиваются острыми иглами, покрытыми ядовитой слизью. Если по неосторожности уколоться, то начинается невероятная, агонизирующая боль, ощущение на полсуток такое, что хочется, чтобы руку отпилили. Мама потом из этой добычи варила очень вкусную уху. В то время, недалеко от пляжа, куда мы ходили каждый день, снимали военный фильм «Далеко на западе». В главной роли был Николай Крючков, очень популярный тогда актер. Забавно сейчас читать в описании фильма (https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/1574/annot/), что «батальные сцены поставлены с впечатляющим размахом». То, что реально мы видели, это было от силы два – три десятка человек, в военной форме,

Рис. 26 Съемки фильма «Далеко на западе». Севастополь, 1967 г.

с оружием, которые довольно вяло изображали высадку десанта с надувных лодок. Кажется, там ничего даже не взрывали, а просто жиденько постреливали холостыми. Вероятно, для «волшебной силы» искусства этого было вполне достаточно, чтобы изобразить «батальные сцены». В них даже как-то поучаствовал Игорь, Рис.26.

И вот, по завершении 8 класса были экзамены, первые в жизни, Рис.27. Как-то я их одолел, и даже с некоторым отличием, о чем свидетельствует благодарственная грамота родителям, Рис. 28. (Опять какой-то казус получился! На грамоте отец назван «Леонид Иванович»). К своим «успехам» я всегда относился критически и должен признать, что отличие это, скорее

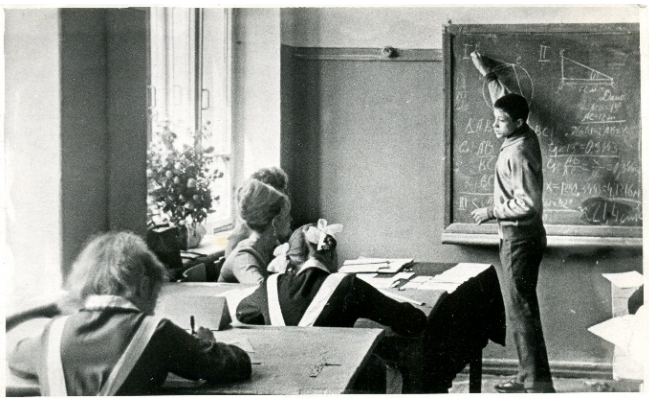
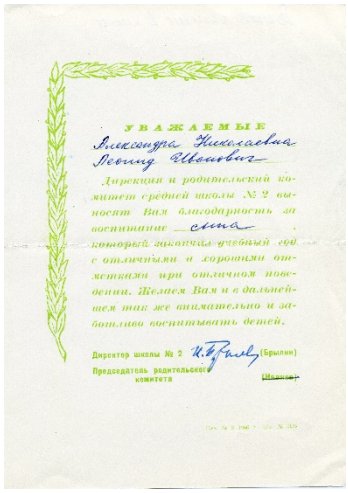

Рис.27 Свердловск. Весна 1967 г. Экзамен 8 кл

Уважаемые
Александра Николаевна
Леонид Иванович

Дирекция и родительский комитет средней школы № 2 выносят Вам благодарность за воспитание сына, который закончил учебный год с отличными и хорошими отметками при отличном поведении. Желаем Вам и в дальнейшем так же внимательно и заботливо воспитывать детей.

Директор школы № 2 (Брыкин)
Председатель родительского комитета

Рис.28 Грамота родителям. 1967 г.

всего, случилось потому, что на удручающем фоне оболтусов из окрестных деревень, почти любой вменяемый подросток выглядел более–менее прилично.

Рис.29 г. Свердловск, школа №5, 9в класс. 1 мая, 1968 г.

После четырех лет линейной школы интерната №2, я перешел в общегородскую школу №5. Это было первое в жизни самостоятельное действие, т.е. я сам забрал полагающиеся документы и «подал» их в новую школу. Собственно, инициатором движения был Мишка. Он, вероятно вследствие общецивильного рода занятий своих родителей, был более

осведомлен, где лучше. Оказалось, и я первоначально был не в курсе, что школа сия считалась тогда «математической», и наряду с «физической» школой №9 была как бы элитной. Поэтому, для поступления в нее недостаточно было сдать документы, надо было пройти еще некий экзамен по математике. Одолел, поступил. Класс получился сборный, ребята в нем были со всего города, Рис.29. Это было хорошее время. За два года, по существу, и была получена основная сумма школьных знаний. По окончании школы в 1969 г. поступил на физтех УПИ, Рис.30. Игорь ростом уже давно обогнал меня, Рис. 31. Он тогда баскетболом увлекся. Позже я от него впервые услышал имена великих баскетбольных игроков. В 80-е годы у него даже были вырезки из каких-то журналов. Здоровенные, черные парни.

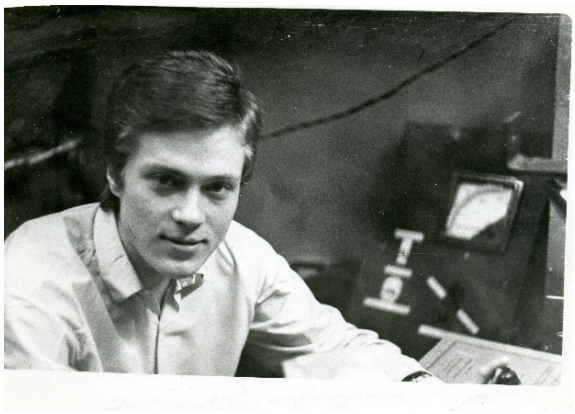

Рис.30 Март 1974, 5 курс, физтех, УПИ.

Рис. 31 14 мая 1969 г.

Рис.32 В саду на ст. Решеты

Рис. 33 Октябрь, 1981 г.

Время шло. Отец отбыл на пенсию с должности заместителя начальника II отдела (гражданская оборона) Управления дороги в 1986 г., не задерживаясь ни дня. Он всегда был крепким, не пил, не курил, ничем не болел, в саду на ст. Решеты много работал, Рис.32. И все же, несмотря на это, его настигла «онкология». У нас эти заболевания как-то совсем плохо

диагностируют и лечат. Ушел из жизни 22 мая 1994 г., когда ему и полных 69 лет не было. Я уже «перерос» его.

Мама в «рабочей карьере» на станции достигла положения начальника техотдела, Рис.33. Эта был небольшой женский коллектив, отвечавший за расписание движения поездов через Свердловский железнодорожный узел. Работа была крайне ответственной и напряженной, требовавшей больших усилий и внимания. Компьютеров в то время не было, и малейшие нестыковки и ошибки могли вылиться в большую катастрофу. Уже и пенсионный возраст пришел, но ее все удерживали, уговаривали «потянуть лямку» еще немного. Уволилась с работы в 1992 г. Не стало ее 11.10.2011.